

Попов Н.Н.,
Екатеринбург

НЕМЦЫ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Уроженцы германских княжеств стали приглашаться в русскую армию в 30-х гг. XVII в. при первом царе из династии Романовых – Михаиле Федоровиче. Состояли эти войска из профессионалов, причем иноземцы (в основном – инструкторы) составляли только треть общего состава, остальные были русскими¹. Однако эта наемная армия после неудачной войны с Польшей была расформирована по финансовым соображениям, а также из-за сопротивления церкви и дворянства.

Во втором томе известного исторического сборника «Три века» приводятся свидетельства Шлейзвига о занятиях и взаимоотношениях иностранцев в России в XVII в.: «Большая часть европейцев в России и притом знатнейшие – немцы; поэтому русские называют немцами всех иностранцев, хотя между ними есть голландцы, англичане, французы и другие. Немцы – в большинстве офицеры, другие лейб-медики, художники, ремесленники... В обществе офицеров заметно различие: одни из них называются старыми, другие – новыми немцами. Старые немцы родились в России поколения в третьем и хотя бы были хорошего происхождения, однако немецкая кровь в них испортилась, большею частью они с русскими манерами, ходят в русском платье и очень плохи в военном деле»².

Положение изменилось при Петре I, которому для ускоренной модернизации, в первую очередь военной, требовались подготовленные кадры, а в России они отсутствовали или представляли собой добротный, но сырой материал. Тогда Петр Великий и стал приглашать на службу иностранных специалистов. «Иноземцы и люди новые из русских, – пишет В.О. Ключевский, – понимая дело Петра или нет, делали его, не входя в его оценку, по мере сил и усердия, по личной преданности преобразователю или по расчету»³.

Преклонение перед иноземным сложилось у Петра еще в молодые годы, когда он стал посещать столичную Немецкую слободу, учителями и наставниками его оказались иностранцы. Поддержали они Петра, – как пишет С.М. Соловьев, – и во время его противоборства

с Софьей⁴. Большое влияние оказала на Петра его поездка в страны Западной Европы, в том числе в Пруссию, где он был принят на самом высоком уровне и стал учиться артиллерийскому делу под руководством подполковника фон Штернфельда. По окончании учебы он выдал господину Петру Михайлову (под этим именем царь находился за рубежом) соответствующее свидетельство, удостоверяющее, «что он в непродолжительное время, к общему изумлению, такие оказал успехи и такие приобрел сведения, что везде за исправного, осторожного, благоискусного, мужественного и бесстрашного огнестрельного мастера и художника признаваем и почитаем быть может»⁵.

Сразу после возвращения из зарубежной поездки Петр I взялся за создание в России регулярной армии по западному образцу. Ближайшим помощником его в развертывании этой реформы были иностранцы, в т.ч. немцы. В.О. Ключевский отмечает, что «в Москве и Немецкой слободе много было толков о почестях, с какими Петр в 1699 г. хоронил Гордона и Лефорта»⁶. На похоронах последнего, швейцарца по происхождению, царь «сам шел за его гробом, обливался слезами, слушая надгробную проповедь реформаторского пастора, восхвалявшего заслуги покойного адмирала, и прощался с ним в последний раз с сокрушением, вызвавшим крайнее удивление присутствовавших иностранцев»⁷.

В апреле 1702 г. Петр I издал манифест о приглашении иностранцев в Россию «для достижения... благих целей», особенно заботясь «о наилучшем учреждении военного штата, яко опоры нашего государства, дабы войска наши не токмо состояли из хорошо обученных людей, но и жили в добром порядке и дисциплине»⁸. Иностранцы приглашались в Россию на определенных, достаточно льготных условиях, которые, по свидетельству С.М. Соловьева, состояли в следующем: «совершенно свободный въезд, безопасность на пути и содействие всякого рода; свободное отправление веры; иноземцы не подвергаются суду и наказаниям, по обычаю русскому, для чего учреждается Тайная военного совета коллегия, которая будет чинить правосудие, во-первых, по законам божеским, а потом по римскому гражданскому праву и другим народным обычаям милостиво»⁹.

Приглашая в Россию «искусных» иностранцев, Петр I исходил из практической целесообразности и четко определял их обязанности. Так, приглашенный в 1702 г. на русскую службу немецкий доктор

права Генрих фон Гюйсен обязался: «1) отыскивать, входить в переговоры и приглашать в русскую службу иностранных офицеров, инженеров, мануфактуристов, ружейников, художников, берейторов (специалистов по обучению верховой езде. – Н.П.), кузнецов и других мастеровых...; 2) переводить, печатать и распространять царские постановления, издаваемые для устройства военной части в России»¹⁰ и т.п.

В петровское время приглашенные в Россию немцы, особенно военные специалисты, играли важную роль в проводившихся тогда преобразованиях. Достаточно сказать, что вторым фельдмаршалом в России стал немец фон Крузи, приглашенный на службу Петром I¹¹. «За таланты и знания», – как пишет В.О. Ключевский, высоко ценил он генерала А.И. Остермана¹², уроженца Вестфалии, состоявшего на русской службе с 1703 г. В центре Екатеринбурга стоит памятник двум творцам горнозаводской промышленности Урала – русскому В.Н. Татищеву и уроженцу г. Ганновера (Саксония) Вильгельму де Геннину. Он был зачислен на русскую службу в 1697 г. как специалист по архитектуре и артиллерии, участвовал в Северной войне. С 1722 по 1734 гг. генерал Геннин управлял уральскими заводами, стал (вместе с В.Н. Татищевым) основателем Екатеринбурга¹³.

Нам хочется обратить внимание на то, что, исповедуя прагматичный подход по отношению к кадрам управленцев, В. Геннин не создавал привилегированных условий своим землякам, приехавшим работать на Урал. Так, он добился отзыва отсюда бездарного саксонца Михаэлиса. В результате освидетельствования квалификации горных специалистов Геннин вынес другому саксонцу – Корсу – суровый вердикт: «за негодность отпустить». Присланного из столицы берг-мейстера Гейденреха, не проявлявшего усердия на службе, Геннин посоветовал отправить подальше в Нерчинск. Другого берг-мейстера, саксонца Блиера, склонного «забавляться кабинетными письмами», генерал жестко одергивал, указывая ему, что от этого «заводы не размножатся и медь копана не будет»¹⁴. Так поступали и другие «птенцы гнезда Петрова».

Явное предпочтение Петром I немецких специалистов всем другим не осталось незамеченным в народе. Первое объяснение, по словам С.М. Соловьева, было таким: «Немцы его обошли, испортили»¹⁵. Высказывались мнения, что Петр родился от немки, что он сын Ле-

форта и т.п. Поскольку прозападные преобразования царь начал после возвращения из поездки за границу, в народе сделали еще один вывод: «Немцы погубили настоящего царя Петра у себя и прислали на Русь другого, своего, немца же, чтобы обусурманить православных»¹⁶. Противники преобразований не остановились и на измышлениях о немецком происхождении Петра и заговорили даже о пришествии антихриста.

Следует в то же время отметить, что Петр I не преувеличивал значение иностранцев в модернизации страны. В статье о Петре Великом В.О. Ключевский отмечает, что к иностранцам вообще он «относился разборчиво и без увлечения», «при первой возможности старался заменять их русскими». Уже в манифесте 1705 г. он прямо признавал, что дорого стоившими наемными офицерами «желаемого не возмogli достигнуть», и предписывал «более строже условия приема их на русскую службу»¹⁷.

Несомненной заслугой Петра I является то, что он отказался от введения в России широко распространенной тогда в Западной Европе системы наемной армии из числа иностранцев, предпочтя ей армию национальную. Он обязал всех дворян нести военную службу, посылал их детей учиться за границу, в том числе для освоения военного и морского дела. Уже в конце XVII в. подготовка национальных офицерских кадров велась в двух военных школах, а затем Петр открыл морскую, инженерную, медицинскую и другие военные учебные заведения, что позволило ему к концу своего правления полностью отказаться от приглашения иностранных офицеров на русскую службу.

После кончины Петра Великого влияние иностранцев в русской армии сначала уменьшилось, а в результате восшествия на престол в 1730 г. императрицы Анны Иоанновны резко усилилось. Ее правление часто характеризуется «засильем немцев». Действительно, не доверяя старой истровской гвардии, императрица уже в сентябре 1730 г. приказала сформировать новый гвардейский полк – Измайловский, укомплектованный в основном офицерами из прибалтийских немцев¹⁸. Всеми государственными делами ведал фаворит императрицы И. Бирон, герцог Курляндский. Вице-канцлером империи при Анне Иоанновне был сын пастора из Бохума А.И. Остерман. А делами армии заведовал другой немец – ольденбуржец Б. Миних, граф, генерал-фельдмаршал. С.М. Соловьев считал, что «можно было помириться с возвы-

шением этих иностранцев, очень даровитых и усыновивших себя России, неразрывно соединивших свою славу с ее славою, благоговейно чтивших память великого человека, давшего их России; но нельзя было помириться с теми условиями, которые их подняли и упрочили их значение»¹⁹. Речь идет о фаворитизме Бирона, проводившего антинациональную политику.

Особо следует сказать о Минихе, который при императрице Анне возглавлял Военную коллегия, командовал русской армией в войне 1735–1739 гг. с Турцией. Он поседел на русской службе, хорошо понимал и любил военное дело. Миних провел в русской армии ряд реформ, основал первый Кадетский корпус. По словам А.А. Керсновского, он «принял строгие меры от проникновения в русскую армию чужеземных авантюристов: велено впредь принимать лишь офицеров, «кои в знатных европейских армиях служили» и имеют надлежащие тому свидетельства»²⁰. Миних упразднил привилегии иностранцев, служивших в русской армии, ввел в ней жесткие немецкие порядки, усложнил делопроизводство, изменил форму и штаты. Вместе с тем следует отметить, что «до увлечения пруссачиной дело пока не доходило»²¹.

Русская армия продолжала сохранять «родимые пятна» прошлого. В ней было много нестроевых, поэтому Миних с целью экономии требовал максимальной «самоокупаемости» армии. Солдаты получили возможность изучать разные ремесла и отправляться иногда на вольные работы, преимущественно полевые. Это, конечно, вело к упущениям в главном ремесле – военном. Дело доходило до того, что солдатские артели большую часть года проводили вне воинских квартир, даже занимались отхожими промыслами²². В таких условиях заниматься военной подготовкой было крайне сложно. Но с тех пор вольные работы укоренились в русской армии и просуществовали до 1917 г.

Примечательно, что именно генерал-фельдмаршал Миних, вице-канцлер Остерман и др. сыграли решающую роль в отстранении Бирона от власти в ноябре 1740 г. Миних даже сумел стать на некоторое время первым министром, но в марте 1741 г. был отправлен в отставку новой правительницей Анной Леопольдовной. Управление всеми делами в государстве сосредоточилось в руках А.И. Остермана, но ненадолго.

Восшествие на престол в ноябре 1741 г. с помощью гвардейцев дочери Петра I Елизаветы встречено было в армии и во всей стране с

надеждой на избавление от немецкого засилья. «Гвардейские офицеры, – пишет В.О. Ключевский, – потребовали у новой императрицы, чтобы она избавила Россию от немецкого ига. Она дала отставку некоторым немцам»²³. Бывших министров – Миниха, Остермана, Менгдена и других сослали в Сибирь. На высших постах в империи снова утвердились русские деятели.

В 50-е гг. XVIII в. усилиями президента Военной коллегии – генерал-фельдцейхмейстера П.И. Шувалова была сделана попытка ввести в русской армии прусские плац-парадные и другие требования, но безуспешно. Семилетняя война с Пруссией свела на нет подражания прусским порядкам²⁴.

Петр Ульрих, герцог Голштинский, волей Елизаветы ставший императором в декабре 1761 г. под именем Петра III, в мае 1762 г. заключил поразивший Европу мир с Пруссией, спася ее тем самым от неминуемого поражения. Введя в армии муштру на прусский лад, в том числе прусские уставы и форму, он вызвал недовольство в войсках. Оно усилилось из-за появления при дворе и в гвардии новых немцев, на этот раз голштинских²⁵. Результатом этого недовольства стал новый заговор в гвардейской среде, который завершился возведением на престол императрицы Екатерины Алексеевны. Чистокровная немка (принцесса Анхальст-Цербская), она сразу же отменила «голштинские» порядки в армии, возвратила и старую елизаветинскую военную форму²⁶. В то же время ею было принято решение пригласить в Россию на свободные земли иностранных поселенцев. Привлечение иностранцев в Россию началось задолго до царствования Екатерины II, но массовым оно стало во время ее правления. Вызвано это было нуждами государства Российского. Были изданы царские манифесты 1762, 1763 и 1764 гг., которыми иностранцы из разных европейских государств приглашались в Россию. Переселенцы имели ряд привилегий, в т.ч. освобождение от воинской повинности на сто лет. По различным данным, в России было около 300 немецких сел-колоний, а общая численность колонистов достигала 100 тыс. человек²⁷.

Одновременно были решены многочисленные проблемы устройства российских Вооруженных сил. Так, в военном деле был принят отказ от прусских рационалистических теорий и автоматической дрессировки солдат, в основу воспитания войск выдвинулись моральные начала. Вместо пожизненного срока вводился определен-

ный, из обихода армии были фактически выведены телесные наказания, в 1786 г. была введена новая формы, отменены парики и косы²⁸. Значительные изменения произошли в формировании, структуре и тактике русских войск, в частности, осуществлен отказ от прусско-немецкого линейного боевого порядка. Все это позволило им во второй половине XVIII в. покрыть свои знамена неувядаемой славой.

Говоря о времени Екатерины II, нельзя обойти восстание под предводительством Е. Пугачева, в штабе которого, как известно, были французские и польские офицеры, а в войсках – отряды, сформированные из поволжских немцев-колонистов.

Воцарение на русском престоле в декабре 1796 г. Павла I означало возвращение к временам «опруссачивания» армии. Новый император не понимал особенностей национальной армии, не хотел видеть сильных ее сторон. Он ввел в армии прусскую муштру и палочную дисциплину, передел ее в новую форму, копировавшую прусскую. В таком же духе был составлен новый устав, утверждавший устаревшую тактику боя в линейном строю. Павел намеревался перейти с рекрутского набора на наемную армию, причем солдат предполагалось вербовать в германских княжествах. Он не решился распустить гвардейские полки, которым не доверял, но усиленно внедрял в них надежных, на его взгляд, офицеров, в основном из прибалтийских немцев³⁰.

Эти настроения проявились у будущего императора еще до восшествия на престол. Принцесса Саксен-Кобургская, побывавшая в резиденции Павла в Гатчине, свидетельствовала: «Великий князь, который, впрочем, очень умен и может быть приятным в обхождении, когда пожелает, отличается непонятными странностями; между прочим, дурачеством устраивать все на старо-прусский лад»³¹. Другой современник – Пишчевич – имел следующее мнение о гатчинских войсках: «Тактика прусская и покрой их военной одежды составляли душу сего воинства; служба вся полагалась в просаленной голове, сколь можно коротенькой трости, непомерно великой шляпе, натянутых сапогах выше колена и перчатках, закрывавших локти. Въезжая в Гатчину, казалось, въезжаешь в прусское владение»³².

Все эти гатчинские увлечения Павел постарался после восшествия на престол внедрить в русскую армию, что имело как отрицательные, так и положительные стороны. По мнению профессора Боннс-

кого университета А. Фишера, «Военные реформы Павла сводились к более четкой организации, быстрой мобилизации и большей маневренности армии, ... имели целью также унификацию обучения и ликвидацию коррупции»³³.

Опруссачивание армии вызвало глухое недовольство ее командного состава, поэтому новый император предпринял ее «чистку». Из армии были уволены 333 генерала и 2261 офицер³⁴. На два года отправился в ссылку и уволенный из армии генерал-фельдмаршал А.В. Суворов – гордость русской армии. Принятые Павлом I превентивные меры в отношении недовольных в армии и гвардии не спасли его от заговора (осуществление его было поручено, как пишет А. Фишер, уроженцу Ганновера генерал-лейтенанту Беннигсону)³⁵.

Армия нового императора – Александра I – оказалась прямым продолжением армии его отца. В ней сначала не изменилось почти ничего, кроме внешнего вида. Правда, екатерининская форма, простая и удобная, не была возвращена, но павловская косметика – пудра, букли и т.п. – навсегда ушли в прошлое. Со временем Александр I восстановил исторические наименования полков, частично преобразовал и полностью перевооружил пехоту, принял строгие меры по упорочению субординации и дисциплины в войсках, ослабление которых было неизбежной реакцией на павловские порядки³⁶.

На заключительном этапе войны с наполеоновской Францией русская армия сражалась вместе с войсками союзной Пруссии. В их состав входил и сформированный при Павле I на Урале 37-й Екатеринбургский пехотный полк. Во время освобождения Германии в апреле 1813 г. он вошел в состав 11-й пехотной дивизии, который, в свою очередь, входил в 8-й корпус-авангард Силезской армии прусского генерала Блюхера³⁷. Соединениями русской армии командовали в эти годы Л.Л. Бенингсен, Крейц, Ламберт, Сакен, Эссен и др. Следует отметить, что Главнокомандующим русско-прусскими силами после кончины М.И. Кутузова весной 1813 г. были назначен отличившийся в боях с французами русский генерал П.Х. Витгенштейн. Предпринятый В.М. Безотосным анализ данных о генералах и адмиралах русской армии 1812 г., показывает, что среди носителей иностранных фамилий самое большое место занимали немцы³⁹.

С 1815 г. «мелочи службы» в прусском духе снова стали затягивать наши войска и их командиров. Бесконечная муштра почти вы-

теснила боевую подготовку. Причем касалось это не только военной сферы, о чем пишет немецкий историк Ханс-Й. Краутхайм: «Иностранцы, особенно немцы, французы и британцы, играли в администрации, образовании и армии (впрочем, еще до правления Александра) роль, которую нельзя недооценивать»⁴⁰.

Преобразования следующего царя – Николая I – в армии отразились прежде всего на ее внешнем виде. Так, в кавалерии тяжелые кивера с султанами были заменены еще более неудобными остроконечными касками на прусский образец. Сохранились и традиции прусской муштры, которым неуклонно следовал и Александр II⁴¹. При нем после падения Севастополя была учреждена «Комиссия для улучшения по воинской части» под председательством лучшего боевого генерала того времени графа Ридигера. Он наметил ряд мер по реорганизации армии, вылившиеся впоследствии в военную реформу. Она во многом преобразовала Вооруженные силы России, но военная отечественная мысль оставалась под влиянием рационалистических прусско-германских доктрин, прежде всего методов Мольтке, безоговорочно признанного тогда у нас «мировым авторитетом». Из российских военных деятелей того времени следует выделить инженер-генерала, почетного члена Петербургской академии наук (1855 г.), графа Тотлебена, руководившего инженерными работами при обороне Севастополя и на Плевне, успешно командовавшего действующей армией в 1878 г.⁴²

Император Александр III продолжил меры по укреплению армии, требуя национальной специфики во всем, вплоть до покроя одежды, которая стала проще и практичнее. Крупнейшим военным авторитетом России был тогда генерал, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1887 г.) Г.А. Леер – преемник М.И. Драгомирова на посту начальника Академии Генерального штаба. Он смотрел на военное дело по-румянцевски и сделал очень много для защиты и разработки стратегии, недооценивавшейся его предшественниками. К сожалению, он не был в должной мере понят и оценен современниками⁴³.

Среди генералов, отличившихся в русско-японской войне 1904–1905 гг., А.А. Керсновский выделяет Гриппенберга и Штакельберга. Первый, по его словам, «показал характер, достойный полководца». А второй действовал блестяще, выказав незаурядную силу воли»⁴⁴. Ослабление русской армии в результате дальневосточной войны,

произошло, по мнению А.А. Керсновского, по плану кайзера Вильгельма II⁴⁵.

Сразу после окончания войны с Японией и революционных потрясений в стране начались мероприятия по укреплению обороноспособности страны. В середине 1905 г. в России восстанавливается самостоятельность Генерального штаба, в основу организации которого была положена система прусского Генштаба⁴⁶. В декабре 1906 г. по указанию Совета государственной обороны военный министр А.Ф. Редигер представил доклад о мерах, необходимых для повышения боеспособности армии⁴⁷. Тем самым было положено начало проведению в России военных преобразований, продолжавшихся до первой мировой войны.

Для рассмотрения и дальнейшей разработки предложений военного министра Совет Государственной обороны создал особую комиссию под председательством генерала Газенкампа. Она рассмотрела представленный и ряд других проектов реорганизации армии, в том числе доклад генерала А.Е. Эверта, и отклонила их (кроме одного, положенного в основу деятельности Военного министерства на 1907–1910 гг.)⁴⁸.

Обрусевшие немцы, составлявшие в начале XX в. свыше 10% генералитета русской армии⁴⁹, сыграли важную роль в укреплении боеспособности русской армии и флота накануне первой мировой войны.

Историки разных направлений до сих пор часто возлагают ответственность за неудачное для России начало войны с Германией на «изменника и предателя» генерала П.К. Ренненкампа, делая упор на его немецкое происхождение. Однако многие исследователи придерживаются другой точки зрения. А.А. Керсновский, например, внимательно проанализировал этот вопрос и сделал вывод, что «главным виновником позора русского оружия» был генерал Самсонов и его начальники⁵⁰. Аналогичной точки зрения придерживаются А.М. Зайончковский, Н.Н. Яковлев⁵¹ и др. Вопрос о «немецком засилье» даже обсуждался в Государственной думе.

Ожесточенные сражения русской армии в начальный период войны выбили из нее основную часть кадрового офицерского и генеральского состава, поэтому значение обрусевших немцев в ней резко упало. На их место пришли другие защитники Отечества, но и они не являются подлинными виновниками поражения России в войне с Гер-

манией. Таковыми следует считать большевиков во главе с Лениным, которые получили от германского Генштаба несколько десятков миллионов марок⁵², которые позволили им в 1917 г. разложить русскую армию, сделать ее небоеспособной.

Таким образом, приглашенные в страну немцы сыграли важную роль в становлении и развитии российских Вооруженных сил. Став россиянами, они верно служили новой Родине, защищая ее интересы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Керсновский А.А. История русской армии. М., 1992. Т. 1. С. 15.

² Три века. Россия от Смуты до нашего времени. М., 1991. Т. 2. С. 46–47.

³ Ключевский В.О. Сочинения в 9-ти тт. М., 1990. Т. 8. С. 381.

⁴ С.М. Соловьев пишет об этом, что во время «натянутого ожидания и нерешительности... в пользу царя Петра» было то, что «немцы ушли к нему». – Соловьев С.М. Соч. в 18 кн. М., 1991. Кн. 7. С. 446.

⁵ Там же. С. 531.

⁶ Ключевский В.О. Соч. Т. 8. С. 395.

⁷ Там же.

⁸ Цит. по: Соловьев С.М. Соч. в 18 кн. М., 1993. Кн. 8. С. 73ю.

⁹ Там же. С. 74.

¹⁰ Там же. С. 83.

¹¹ Жежера А., Непеин И., Осипов Г., Шутов В. История русской армии (1700–1996). Личностный аспект. Челябинск, 1997. Ч. 1. С. 75.

¹² Ключевский В.О. Соч. в 9-ти тт. М., 1990. Т. 8. С. 395.

¹³ Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 143.

¹⁴ Василий Никитич Татищев и Виллим Иванович Геннин на Урале. Екатеринбург, 1999. С. 15–16.

¹⁵ Соловьев С.М. Соч. Кн. 8. С. 96–97.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Ключевский В.О. Соч. Т. 8. С. 395–396.

¹⁸ Черкасов П., Чернышевский Д. История императорской России: От Петра Великого до Николая II. М., 1994. С. 77–78, 109.

¹⁹ Соловьев С.М. Соч. М., 1993. Кн. 10. С. 261.

²⁰ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 1. С. 70.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 72.

²³ Ключевский В.О. Соч. М., 1989. Т. 4. С. 279.

²⁴ См.: Керсновский А.А. История русской армии. Т. 1. С. 87–91.

²⁵ См.: Соловьев С.М. Соч. М., 1994. Кн. 13. С. 65.

- ²⁶ См.: Керсновский А.А. История русской армии. Т. 1. С, 116.
- ²⁷ Соловьев С.М. Соч. Кн. 13. С. 133; Вормсбехерт. Немцы в СССР // Знамя. 1988. № 11. С. 193–203.
- ²⁸ См.: Керсновский А.А. История русской армии. Т. 1. С. 116–117, 142–143, 165.
- ²⁹ См.: Бушков А.А. Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы. М. – СПб. – Красноярск, 1997. С. 460.
- ³⁰ См.: Черкасов П., Чернышевский Д. История императорской России. С. 234.
- ³¹ Цит. по: Керсновский А.А. История русской армии. Т. 1. С. 174.
- ³² Там же.
- ³³ Цит. по: Русские цари. 1547–1917. Ростов н/Д. 1997. С. 368.
- ³⁴ Жежера А., Непешин И., Осипов Г., Шутков В. История русской армии. Ч. 1. С. 152–153.
- ³⁵ Русские цари. С, 373.
- ³⁶ См.: Керсновский А.А. История русской армии. Т. 1. С. 197–200.
- ³⁷ Саенко П.А. Екатеринбургский пехотный полк. Екатеринбург, 1999. С. 7. 32.
- ³⁸ См.: Керсновский А.А. История русской армии. Т. 1. С. 247, 269–270, 276–277, 283.
- ³⁹ Безотосный В. М. Национальный состав российского генералитета 1812 года // Вопросы истории, 1999, № 7. С. 67.
- ⁴⁰ Цит. по: Русские цари. С. 380.
- ⁴¹ См.: Керсновский А.А. История русской армии. М., 1993. Т. 2. С. 12, 46, 52, 172.
- ⁴² Там же. С. 176, 179, 192–193, 227–229.
- ⁴³ См.: Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994. Т. 3. С. 11–12, 24–25.
- ⁴⁴ Цит. по: Там же. С. 103.
- ⁴⁵ См.: Там же. С. 126.
- ⁴⁶ См.: Ростунов И.И. Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. С. 36.
- ⁴⁷ Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 12.
- ⁴⁸ Там же. С. 12–13.
- ⁴⁹ См.: Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX – XX столетий. 1881–1903. М., 1973. С. 198.
- ⁵⁰ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 3. С. 201.
- ⁵¹ См.: Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. М., 1994. С. 48.
- ⁵² См.: Там же. С. 234–236.